Цена отдельного № 15 коп.

Да здравствует союз рабочих и крестьян!

ПЕРЕВАЛ

№ 1-й. | Четверг, 6 Августа 1925 года. | № 1-й.

В. И. Ленин,
организатор III-го Коммунистического Интернационала.

В номере напечатаны:
рассказы—П. Никишина, А. Одинокого, Павлова и А. П. Полякова. Стихи — Г. Жидкова, А. Кузьменко, Розового и др.

Адрес редакции:
Пенза, Интернациональная 7. телеф. 381.

Адрес экспедиции:
Интернациональная 25. телефон 341.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЖУРНАЛ

бюро губотдела Союза Крестьянских Писателей и рабкоров газеты „Трудовая Правда".

ПЕНЗА.
1925 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

прием подписки

НА АВГУСТ МЕСЯЦ

НА ЖУРНАЛ

„ПЕРЕВАЛ".

Подписная плата на 1 месяц: для индивидуальных подписчиков . . . 40 коп.
для коллективных (не менее 5 челов.) 50 коп.

Подписка принимается в экспедиции „Трудовой Правды",
Пенза, Интернациональная, 25.

Адрес редакции: Пенза, Интернациональная, 7, телеф. 381.

ПЕНЗЕНСКИЙ СПИРТОТРЕСТ

предлагает изделия своих заводов:

ДРОЖЖИ

производства Славянского дрожжево-винокуренного

Требуйте везде **ДРОЖЖИ с маркой (три снопа).** Дрожж
высокой под'емной силы, по ценам в

КООПЕРАТИВЫ МОГУТ ПОЛУЧАТЬ В КРЕДИТ

ПИВО

производства пивоваренного завода „

Требуйте всюду ПИВО завода „КРАСНАЯ СУРА", пиво одно
не уступающее пиву столичных заводов, крепостью выше до

Адрес для требований: —

Славянский дрожж.-винокурен. № 61 государств. завод.
Г. Пенза, Интернациональная № 61.
Для телеграмм: Пенза, Славянский.

Пивоваренны
Г. Пенза, Ба
Для телегра

675634 - ред.

Цена отд. № 15 к. Да здравствует союз рабочих и крестьян!

ПЕРЕВАЛ

еженедельный журнал бюро пензенского губотдела Союза Крестьянских Писателей и рабкоров газеты «Трудовая Правда».

№ 1. ЧЕТВЕРГ, 6 АВГУСТА 1925 ГОДА. № 1.

Фабкомы и месткомы, ведите кампанию за подписку на журнал „ПЕРЕВАЛ“.

К читателям.

Нужду в собственном литературно-художественном журнале рабоче-крестьянские массы нашей губернии чувствуют давно.

Из недр этих масс выросло широкое рабселькоровское движение, играющее громадную роль в строительстве нового общественного строя вообще и нового быта в особенности.

Перо в мозолистых, крепких руках передовых рабочих и крестьян превратилось в страшное орудие борьбы с врагами рабоче-крестьянской власти, со всеми теми, кто мешает творческой работе трудящихся масс, закладывающих фундамент коммунистического общества.

Печатное слово, служившее ранее в руках буржуазии средством одурачивания трудящихся, только после Октябрьской революции стало у нас тем, чем оно должно быть: воспитателем трудящихся и действительным организатором новой лучшей жизни.

И делают его больше чем наполовину неискушенные в этом деле труженики от сохи и станка. Теперь все знают, что газета в нашей республике без участия рабселькора немыслима. Рабселькоровская заметка — это ось, на которой вертится все колесо значимости газеты.

Но пробудившийся рабочий и крестьянин, с головой ушедший в практическую общественную работу, не хочет оставаться в стороне и от революционной борьбы, которая сейчас кипит в области искусства.

У нас есть не мало рабселькоров, имеющих задатки крупных писателей и поэтов. И они тоже стремятся принять участие в этой борьбе, овладеть языком образов и на этом языке рассказать, как живет и работает наш рабочий и крестьянин. Некоторые из них этим языком уже овладели, другие только еще учатся. Те и другие нуждаются в журнале. Одним он нужен, как средство сказать свое слово, другим —как помощник и руководитель в работе над собой и над своим языком.

Эти соображения и натолкнули губбюро пензенского отдела Всероссийского Союза Крестьянских Писателей и бюро рабкоров газеты «Трудовая Правда» на мысль приступить к изданию журнала.

Редакция надеется, что читательские массы поддержат это начинание и помогут ей выявить наиболее талантливых писателей и поэтов из рядов трудящихся нашей и соседних губерний.

Редакция.

Случай с Иваном Степановичем.

(Рассказ).

1.

Иван Степанович Мещеряков—добрейшей души человек. Он музыкант-флейтист и музыку любит больше самого себя. Однако, ему всегда не везло, не везет и сейчас. И не потому, чтобы он был шаромыжником, пропойцей или плохим музыкантом... Уверяю вас, что не поэтому. Просто на просто он—неудачник.

Некоторые люди в неудачу не верят. Все это, мол, враки. Удача или неудача зависят от самого себя.

Если ты разиня, то, конечно, тебя всегда будут преследовать неудачи. Ну и так далее в этом же духе.

Таких людей с их точки зрения никаким рычагом не сдвинешь. Впрочем, зачем и сдвигать... пускай стоят на ней себе на здоровье.

А по нашему мнению Иван Степанович... все-таки неудачник.

По его способностям, ему нужно бы играть у Зимина или в большом академическом, а он в рабочих клубах наяривает. Да и там не часто. Хорошо в месяц раза два-три позовут, а то и реже.

А, ведь, даже в самый удачный вечер больше пятерки ни за что не зашибешь. Вот и поживи на такие деньги, когда у тебя семья в шесть голодных ртов на шее, да еще товарищ, безработный писатель, на плечах сидят.

— Ну и жизнь окаянная!—жалуется иногда Иван Степанович приятелю,—не жизнь, а труба!

— И с чего бы это? Никак в толк не возьму.

— Р-р-роковое стечение обстоятельств, Иван Степаныч,—гудит, как шмель, приятель,—ничего не попишешь.

А сам злой-презлой сидит. Кажется ему, что Иван Степанович этими, хотя и редкими, жалобами, именно его, писателя Карпушкина, доезжает.

— Оговаривает треклятый,—рассуждает сам с собой Карпушкин,—куска хлеба жалко. Ну, да погоди, напишу вот роман, рублев триста за него получу, тогда посмотрим, как ты запоешь. А сейчас с твоих оговорок кусок в горло не лезет.

И действительно, садясь обедать, Карпушкин давится кусками хлеба и мяса, норовя вместо одного проглотить сразу два, а то и три.

2.

Но, ведь, не всегда же неудачи. Иногда и неудачнику подвезет. Фарт, значит, такой выйдет.

Вышел он как будто бы и Ивану Степановичу.

Коллектив безработных музыкантов выбрал его своим дирижером. А это, брат ты мой, не фунт изюму.

Комитет биржи труда отвалил на постановку дела целых сто рублей. И все они перешли в руки Ивана Степановича.

Он даже в лице изменился, когда получил их. С-с-то рублей! Шуточное ли это дело!..

Да он за все сорок лет своей жизни таких денег у себя в руках не видел.

— Ну, теперь наше дело как по маслу...—говорил он Карпушкину.—Да я с такими деньжищами свой коллектив в любой «Бар» определю. Мы на эти сто рублей месяц целый без работы прожить можем, а за месяц работенку для коллектива постоянную подыщу.

И Иван Степанович радостно потирал свои сухие с длинными пальцами руки. Карпушкин же презрительно гудел:

— Велика важность сто рублей на пятнадцать горлодеров. Я вот напишу роман, один триста рублев в карман положу. Не вам чета.

Иван Степанович даже обиделся. Первый раз за всю жизнь.

— Не сули журавля в небе...—с'ехидничал он.

Карпушкин, в свою очередь, вскипел, но сдержался. Он только демонстративно плюхнулся на диван и повернулся спиной к приятелю.

3.

Месяц подходит к концу. Но коллектив безработных музыкантов постоянной работы все еще не имеет. Музыканты ворчат. Иван Степанович ловит в их глазах колючки недоверия.

Он даже часто и дома не ночует. Рыщет по Москве, как гончая по полю. Работы нигде нет.

В один серый, но теплый денек, после долгих скитаний, забрел в первую попавшуюся на глаза пивную. Выпил кружку, другую. Сомлел. По телу разлилась приятная теплота. Надежда на успех снова вспыхнула в опьяневшем мозгу.

Закурил. Стал оглядывать соседей. Остановил яблоки посоловевших глаз на каком-то рыжем и рябом суб'екте мрачного вида.

Суб'ект с видимым наслаждением тянул пиво из пузатой кружки и разговаривал с кем-то невидимым. Робкому и скромному Ивану Степановичу он внушал какое-то уважение, смешанное со страхом.

И когда у рыжего кружка оказалась опустошенной, Иван Степанович пригласил его за свой столик. Рыжий, ни слова не говоря, пересел.

Помолчали.

— Вы, собственно говоря, кто такой?—спросил, наконец, сурово, рыжий Ивана Степановича, принимаясь за поданную официантом кружку.

— Я .—растерялся Иван Степанович,—я музыкант... безработный.

— По какому такому случаю безработный?—еще суровее спросил рыжий.

Иван Степанович, торопясь и путаясь, рассказал про свою неудачливую жизнь. Рыжий сочувственно кивал головой, слушая рассказ и глотая одну кружку за другой.

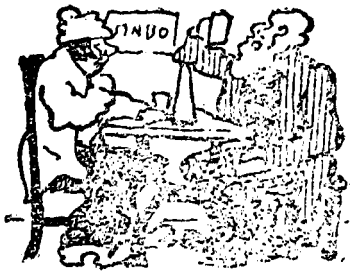
— Вот теперь и не знаю, что делать —закончил свой рассказ музыкант.—Хоть бы в рабочий клуб какой-нибудь устроиться с ребятами.

— Это можно, — важно заявил его суровый собутыльник.—Я тебя устрою в наш фабричный клуб.

— К-к-как?.. как-с вы сказали?... — чуть не задохнулся Иван Степанович. — Так вы директором, али фабкомом изволите быть?

— Дирректор! Что мне директор? Что мне директор?!— спрашиваю я тебя. Да он у меня во где сидит,—и громадная ручища сжалась в кулак величиной с добрый арбуз.

— Не иначе как сам фабком, — ликовало что-то в груди у Ивана Степановича.—Этот устроит. Конец моим мытарствам пришел.



А рыжий продолжал говорить... И Иван Степанович окончательно убедился, что его новый знакомый — влиятельнейшее лицо на самой крупной моссельпромовской табачной фабрике.

Разошлись они, когда пивную стали закрывать на ночь. „Фабком" обещал на следующий день, вечером, заехать к Ивану Степановичу и сообщить о ходе дела.

Музыкант помчался домой, как ошпаренный.

4.

Квартиру Ивана Степановича и узнать нельзя. Все блестит, как перед праздником. Большой обеденный стол накрыт чистой скатертью. На столе—целая батарея бутылок с настойками и наливками, в большом графине русская горькая и всевозможные закуски.

Карпушкин, глядя на все это, только облизывается и крякхтит. Остальные чада и домочадцы Ивана Степановича укрылись в общей кухне. Часовая стрелка медленно ползет к семи вечера.

Гость появился в дверях неожиданно, словно вырос. Карпушкин внимательно оглядел его и подумал:

— Неужто такая дубина в фабкоме состоит... Не похоже что-то—очень уж на пропойцу смахивает.

Но ничего не сказал. А «фабком» действительно был уже на взводе. Он грузно опустился на первый попавшийся стул и изрек:

— Ну, Степаныч, твое дело в шляпе. Приходи завтра в двенадцать на фабрику и спроси Кузнецова, меня значит. А теперь—давай могарыч.

Пили часов до девяти-вечера, не отрываясь. Пили так, как только могут пить русские люди: сосредоточенно, молчаливо. До разговорной точки дело еще не дошло. Рыжий о чем-то думал упорную думу. По его лицу было видно, что эта дума не дает ему покоя. Карпушкин мечтал о том счастливом дне, когда увидит свет его еще не начатый роман. А Иван Степанович... Иван Степанович, полный умиления, молчал из деликатности.

В девять за Иваном Степановичем прислали. В соседнем рабочем клубе ставился спектакль, а своего оркестра клуб не имел. Пригласили играть безработных, нужно было итти.

Он вызвал Карпушкина в коридор и долго упрашивал его занять гостя и, если понадобится, проводить до дому или уложить спать.

— Ладно, я его займу,—буркнул Карпушкин.

Гоеть этим временем успел уничтожить значительное количество содержимого в бутылках и графине. Глаза его бессмысленно уставились на Карпушкина, когда тот вошел, а большое тело тряслось от неудержимой пьяной икоты.

— Надо его наладить, а то сблюет еще, — подумал Карпушкин, подошел к гостю и нахлобучил ему по самый нос фуражку.

— Товарищ Кузнецов, пойдем освежимся немного.

Гость молчаливо согласился. Ему хотелось уже что-нибудь опрокинуть или хряснуть кого нибудь по физиономии.

Карпушкин чувствовал это и, доведя гостя до ближайшего угла, незаметно возвратился обратно.

— Ну, будет дело, — ухмылялся он: — попадет наш «фабком» в бутузку... Как бог свят, попадет.

Придя домой, писатель благополучно закончил начатый пир уже один. И когда на столе, кроме посуды ничего не осталось, он улегся, по его собственному выражению, дрыхнуть.

5.

На утро Иван Степанович вытащил из сундука пиджачную пару, которую он одевал только в особо торжественных случаях, почистился и в самом радужном настроении отправился на фабрику.

До фабрики было верст десять. Иван Степанович, сидя в вагоне трамвая, размечтался. Он со своими ребятами играет в фабричном клубе. В клуб заглядывают иногда и большие люди. Они обращают внимание на оркестр и через некоторое время он, Мещеряков, усилив свой оркестр, играет в одном из лучших клубов Москвы. Слава о нем, как о дирижере, ширится, пухнет. Его на перебой приглашают сразу в несколько театров.

И не заметил Иван Степанович, как доехал до фабрики. Перед дверью фабкома он долго мялся, не решаясь войти. Когда еще в старой армии служил, привык робеть перед всяким начальством.

И до сих пор от этой привычки избавиться не может.

Однако, не до вечера же стоять у дверей. Вытер вспотевший лоб синим ситцевым платочком, незаметно перекрестился и вошел.

Напротив двери стоял большой письменный стол, крытый зеленым сукном. За столом паренек лет 18-ти. На стене чистая картонка, на которой четко написано: «секретарь фабкома».

Иван Степанович подошел к столу. Разговаривал с секретарем не более пяти минут. Вышел из фабкома, как после сильного угара.

Пришел домой—слова никому не сказал. Лег спать. Проспал до вечера. И опять начались будни. Случайная работа в клубах. Недоедание.

6.

Только через неделю рассказал Иван Степанович другу, как «роковое стечение обстоятельств» опять жестоко подвело его.

Секретарь фабкома встретил Мещерякова очень вежливо, спросил «что угодно».

— Да я вот насчет оркестра пришел.

— Какого оркестра?..

Мещеряков ответил, что он приглашен со своим оркестром на постоянную работу в клуб фабрики.

— Да кто же вас приглашал?—еще более удивился секретарь.—У нас свой оркестр из рабочих ф-ки имеется.

После этих слов секретаря, колени у Ивана Степановича задрожали, комната ходуном заходила в глазах. Он вынужден был сесть на первый попавшийся стул, чтобы не упасть.

— Кто же вас приглашал? Повторил свой вопрос секретарь.

— А товарищ Кузнецов.—И, назвав эту фамилию, Иван Степанович несколько приободрился

— Кузнецов... Кузнецов...—вспоминал секретарь.—У нас много Кузнецовых. Какой он из себя?

Иван Степанович рассказал. Лицо секретаря начало краснеть, как летний закат, на глазах выступили слезы. Наконец его прорвало, и он разразился неудержимым хохотом. Через полминуты весь фабком напоминал скорее лечебницу для душевно-больных, чем рабочую организацию. Хохотали положительно все, хохотали до слез, до истерики. Катались по полу от смеха.

— Кузнецов... действительно штука... большая...— сквозь смех и слезы говорил секретарь фабкома:—швейцар... ха-ха-ха... у директорского .. хо-хх-хо... кабинета ...

Остальные тоже продолжая бесноваться и грохотать:

— А-ха-ха-ха!.. О хо-хо-хо!..

— Ну, ничего,—утешал Карпушкин своего друга—скоро я роман напишу. Триста рублей получим. Тогда заживем.

—П-ш-шел ты к черту со своим романом!..—крикнул плачущим голосом Иван Степанович и выбежал из комнаты, схватившись за голову.

А. Одинокий.

Отпускникам.

Вам, призывники весенние,
Майских сборов молодежь!
Вам мое стихоплетение,
Мое красное: „Даешь"!
Это—ваше сердце весело
Красной Армией цвело.
Это—вам оно ответило:
„Отпускник, даешь—село"!
Осень желтыми дорожками
Вас в деревню поведет...
. . . . . .
А деревня пашет сошками,
За коптилкою прядет...
А в деревне бабы—к знахарям,
Старики идут к попу,
И кулак над честным пахарем
Вьет веревочку для пут.
Самогонка—муть сивушная —
На столе – большим ведром.
В голове мозги потушены,
Перержавело нутро...
А изба стоит нечесана
Неумыта и бедна.
Как хозяин неотесана,
Как хозяюшка темна...
Лишь вглядись в деревню темную:
Двое, трое заодно,
Шаг за шагом непод'емную
На деревне рыхлят новь!

Не морока, что мерещится —
Зорька алая вдали.
Вот она, смотри, уж плещется,
Над деревнею шалит!
Это марево—не зарево
Полыхнуло над селом;
Это новое ударило,
Жизнь на тройке понесло!
Сорвалась она, как с привязи,
Не управиться троим,
Понесла—куда-то вывезет,
Как дороженьку скроит!..
Трое их в работе давятся,
Только три—куда ни кинь!
Это вас там дожидаются
И зовут, отпускники!
В Красной Армии наученным
Вам—теперь туда итти,
Чтобы знанием полученным
Строить мирный коллектив.
Чтобы волею упорною
Вам, друзья—отпускники,
Расчищать все травы сорные,
Раскорчевывать пеньки.
Создавать, творить великое,
Разбивать и тьму и зло,
Чтоб увидеть красноликое
Коллективное село.

В. Розовый.

***

Чутких листьев трепетанье,
Поцелуи ветерка,
Голубых небес, сиянье,
Чья-то песнь издалека.
Гармонически слилося
В сердце радостном моем
И в стихе передалося
Звонкоструйным ручейком.

Г. Жидков.

ЧЬЯ ВИНА?

(Набросок).

Рано проснулся Филька, ложечник-куплетист и хриплым, перехваченным ночной стужей, голосом окликнул рядом спавших равно-леток—Гришука и Катьку.

— Ишь, разоспались, ровно—люди...

Серый туман уходящей ночи едва заметно бледнел и рассеивался и вдали, на горизонте, чуть розовел небо склон.

Воздух сырой, прохладный—утренний ветерок, хоть и легкий, знобил Фильку—он встал, запахнулся лохмотьями, поправил штаны и подтянул пояс—обрывок старой, сгнившей вожжи.

— Вставай, штоль!

Гришук поднял лохматую голову и грязными руками, как земля, на которой спал, стал тереть глаза.

— Собаки спят—а ты будишь..

Филька криво усмехнулся.

— Что собаки? собаки бывают что и на перинах спят.

— Я про тех, которых ловят, говорю..

Проснулась и Катька—бледная, с белыми песинй губами, с темным полосовым обводом вокруг глаз.

Все трое грязные, вихрастые, причудливо оборванные, ровно собаками драные... Неподалеку от них, возле мясного пассажа, утянув морды в передние лапы, спали собаки, бродячие, бездомные.

— Вишь спят еще...—показал Гришук.

С раннего утра вокруг мясного пассажа бегают собаки, поджав хвосты, облезлые, голодные, трусливые, каждую минуту ждущие пинка или камня.

Толстые, красноорожие мясники тешатся над ними, бьют чем попало и если не лень.

С раннего утра ходят по базару голодные, оборванные подростки, на-перебой просят милостыню, тащат, что плохо лежит, пляшут и кривляются за копейку и поют частушки, выбивая на ложках мотив.

«Нам сказали
На базаре
Девки очень
дешевы,
За пучок—пятачок—
самые хорошие»...

Слышится из толпы баб Филькин хриплый, надтреснутый голос под дробный стук ложек; в середине—Гришук, тряся лохмотьями, голыми ногами выбивает о стоптанную землю чечотку.

— Маничка! Пойдем, розанчик, он так трясет лохмотьями, что насекомые с него на тебя попасть могут,—говорит гражданин в пенсне, с портфелем и с горшком молока.

На казенной лошади, за молоком и огурцами, едет курносая «дама» в шляпке, с вырезом толстых грудей и плеч, несуразная в «мадамском» наряде.

— Чаво этто собрался народ...

— Об'язжай акруг..

У самого молочного ряда, в синих очках, наяривает на гармошке слепой, невысокого роста и орет на всю площадь любовные песни с убийством и каторжными работами в результате.

— «Но, а я еще молод
Это все же пережил»...

Выкрикивает Филька песню про такого же, как и он, бродягу—подростка.

Сердобольный, чувствительный народ—бабы, но деньги у редкой есть, редкая положит в шапку копейку—больше все жалостью бабы богаты.

— Кума—на ем одежонки-то зги нет..

Пра... Одне лоскуты на «сердешном»...

— Знамо, беженность... С голодного году, мотри... Их много наехало ту пору...

— «Папка лошадь запрягает,
Мамка вожжи подает—
Папка мамку поцелует,
Мамка козырем пойдет» ..

Набрал Филька с полтинник—«на троих на день на жратву хватит»—сказал он..

Стих, раз'ехался базар... Разбрелись куда то бродячие собаки от мясного пассажа.

Бабы, сидя на впряженных возах, неустанно лузгают семячки, ровно с подряду взялись. сдельно.

Бегают по лавкам подростки, просят на хлеб:

— Дяденька, дай копеечку...

Толстый, рыжий, бородатый торгаш глядит сверху вниз на мальчугана жирными, заплывшими глазами и чешет пятерней пузо под неопоясанной рубахой.

— Копеечку тебе... А рупь не хочешь?

— Дяденька, дай копеечку...

— На што те...

— На хлеб—есть, дяденька, хочу...

— Ты, разя, каждый день ешь?

— Дай дяденька копеечку...

— Митряй, дай миляге...

Митряй—здоровенный увалень, сынок рыжего, с глупой бараньей мордой, ощерившейся до ушей, потянулся за шиворотом подростка—но ловко увернулся тот под лошадиное ржанье рыжаго.

Как надоедливых мух—гонят из лавок ребят, посылая их в Совет, в Собес и редкий, редкий торгаш даст на хлеб.

Ровно из под земли вынырнул Гришук и щелкнул пальцами:—«трешница есть»...

Филька, евший воблу, оживился, но стараясь быть равнодушным, заметил:

— Смотри, опять лягавый зашьет...

Гришук невольно оглянулся и бросил:

— Нет.. Чисто!...

Сразу оживилась и Катька:

— Покажи...

— Вот!... Гришук развернул ей зеленую бумажку.

Привычку расспрашивать—«что и как» — все трое давно забыли.

Глаза Батьки светились радостью—не большей радостью светились бы глаза одиннадцатилетней дочери, когда семьянин—отец принес бы ей куклу, хорошую, интересную.—Гришук же на трешницу принес «Зубра» и «Пашу Марку».

Пили «Зубра» на площади, за уборной—поровну наливая и Катьке, воблой закусывали и все трое курили папиросы.

Катька смеялась задорно и весело, по детски, красным стало лицо ее и уши, и блестели возжизненные до выпивки глаза и кашель, душивший до слез и рвоты, стих—легче дышалось ее груди. Два раза Катька уходила с Гришуком в подвалы пустых лавок—Филька оставался один, тянул медленно «Зубра» и курил папиросы. «Зубра» кончили перегоном, что принес Гришук на остальные деньги и уснули пьяные, на месте, где пили...

За полночь на базаре ..—Ночной холодок разбудил Катьку, меньше других пившую перегон—она проснулась и закашлялась, кашлем разбудила и Фильку.

Филька потянулся, негромко окликнул ее, подошел к ней, обнял и отвел в сторонку, за кучу навоза, куда шла она с ним с тупым безразличием...

— Только Гришуку, смотри, не говори ничего... Слышишь...

Уходя спать на прежнее место, проговорил Филька.

— Ладно ..

Ныла голова, особенно виски, у Катьки и сидела она прежняя, осунувшаяся, обняв колени...

Когда встала и прошла несколько шагов—наткнулась на спящую собаку—собака переменила место, глухо, спросонья ворча.

Навстречу Катьке, пьяной походкой, шел парень лет двадцати, мурлыкавший похабнейшую песню;—она хотела посторониться—но в эту же сторону шатнулся и он.

— А, Катька!

Парень с блестящими глазами и какой-то скверной, подленькой улыбкой, вернее гримасой, какая бывает только у пьяных, облапил Катьку и что-то негромко сказал.

— Сколько?—спросила она.

— Рупь.

— Ладно... а выпить будет?

— Есть...

И он достал из кармана бутылку, нещадно и из горлышка угощая Катьку, сразу опьяневшую... Потом поволок ее в сторону.

Если бы Гришук видел все это—кошкой подкрался бы и всадил нож по рукоятку, который носил, не расставаясь, за пазухой...

Около года живет он с Катькой и зовет ее своей женой...

Неподалеку спавшая собака. потревоженная перед тем Катькой, заворчала на пьяный смех 20-летняго парня, встала, хотела было подойти ближе—но потянулась сладко, раздумала и легла опять, уткнув в передние лапы морду...

Город тоже спал.

Николай Павлов.

Завод в пролетарской поэзии.

Приближается восьмая годовщина Октябрьской революции. Много чудес совершилось за это время. Нет праздных богачей, нет роскошных дворцов, занятых под одну семью, нет помещиков, владеющих землями величиной с королевство, нет фабрикантов, прожигающих по заграницам миллионы, добытые трудом рабочих. И мало-ли чего нет из того, что было когда-то.

Но, быть-может, самое замечательное—это то, что нет почти больше тех книжек, которые служили для забавы досужих людей, не знающих, чем убить свое время.

Самое трудное, это создать новому классу свою литературу. Новый быт, новая культура и новая поэзия возникают медленнее, чем новое хозяйство и новая политическая власть.

Много места в этой поэзии уделено заводу. Завод открыл рабочему глаза на окружающий мир. Здесь—колыбель и его рабства, и его свободы. Целый ряд стихотворений посвящен у пролетарских поэтов описанию тяжелого труда на заводе, прошлому, когда весь этот адский труд шел на пользу притеснителям рабочего класса:

Там, во власти капитала, как в тюрьме, томятся люди,
Стерегут их неизменно камни стен и ряд машин...
С детских дней они забыли вольный вздох свободной груди,
Ширь задумчивого леса, ширь безбрежную равнин.

Известно, что первые вспышки организованного революционного движения начались на заводах. Оно и понятно. Здесь, в четком распределении труда, рабочий понял, что один—он только винтик и ни одной вещи сам сделать не может. Но в союзе с товарищами, он—создатель всех богатств мира и хозяин всех сил природы. Вот почему завод поселил в нем не только проклятие и ненависть, он скоро научился там слышать другие голоса: «смущение грознодышащих машин, в сводах сумрачных рожденье многотысячных дружин».

Он услышал:

... клич призывный
Новой жизни кузнецов,
Вместо песни заунывной,
Песню смелую борцов.

Ему не нужно больше «разнеженной природы», потому, что он научился «ковать железные цветы под дымным небом на заводе».

Именно на заводе он понял, что пролетариату предстоит не только освободить свой труд от эксплоатации, но что его назначение более высокое, что с этим освобождением связано переустройство всего мира, потому, что невозможна свобода одного класса в обществе, где не освобождены все.

И тогда он услышал «в шуме фабрик, в криках стали, в злобном шелесте ремней» песни золотых грядущих дней, «близких радостных веков». Завод разбудил его мысль, «бодрость, веру, гнев, протест вливает в грудь и выводит на огнистый, чистый путь». Он убедился, что «в союзе с паром, сталью и огнем», он перестроит всю жизнь на земле на началах свободы и красоты.

Прошло восемь лет. Пролетариат управляет теперь жизнью величайшей в мире страны, он имеет своих представителей во всех столицах мира, и они всюду властно выступают на защиту всех угнетенных, где бы таковые ни находились—в Египте, в Марокко или в Китае. Но рабочий всегда помнит, что от завода пошла эта борьба за новые формы жизни, и пролетарские поэты всегда с любовью продолжают обращать свой взор туда, где шумят колеса машин.

П. С. Коган.

Опровержение подвело.

Рассказ.

I.

Уличный шум, говор и экипажный грохот давно врывался в раскрытую форточку домашнего кабинета зава Мра Федотова. Горячие лучи солнца весело играли на свежем, пахучем букете жасмина. Часовая стрелка двигалась к десяти.

Федотов, как всегда, спал еще крепко, крепко в любимом диване. И долго бы, наверное, проспал, да: дринь, зинь, зинь!!!—Раздался тревожный звонок.

— Фу! чтоб тебя!... оглушил. Какому это чорту я понадобился?

Не вставая с дивана, Федотов достал телефонную трубку и приложил к уху:

— Ну, слушаю!

— Александр Иванович, это вы?—послышался тихий голос из трубки.—В сегодняшнем номере газеты вас вот как расчесали!...

— Что-о?—заревел Федотов.

— Заметку какой-то подлец поместил, что вы катаетесь на казенных лошадях, плохо обращаетесь со служащими и подолгу спите.

Точно волной смыло Федотова с дивана. Подбородок трясся, нервно сжимались складки около рта. Хотелось поскорее выйти на улицу. Но, как на грех, у него дело не клеилось. То брюки наденет задом наперед, то галстух повяжет не так. С полчаса провозился. Без портфеля, неумытый, непричесанный выскочил он из кабинета и сел в извощичью таратайку.

— Садовая, двадцать!

И покатил.

Ни «барышни», ни вывески, ни зеркальные окна магазинов—ничто не останавливало внимания Федотова. Мысль о заметке назойливо сверлила мозг..

— И кто-бы это мог протянуть? Подожди, узнаю—плохо будет. Только-бы узнать!

II.

Лихорадочная работа Мра шла обычным путем. Стучали машинки, поскрипывали перья, взад и вперед сновали люди. Неровной, но быстрой походкой прошмыгнул Федотов к себе в кабинет. Захлопнул дверь, отер с лица пот и грузно опустился в кресло. Вслед за ним вошел пом с газетой в руке.

— Читали?

— Читал, ответил Федотов—что теперь делать-то? Вся губерния узнает.

— Пишите опровержение.

— На правду то? Ты с ума спятил!

— А вы постарайтесь написать так, чтобы правда оказалась кривдой.

Сдвинул Федотов брови, наморщился, весь ушел в себя. В нем дрожали все струнки души. Стыд и обида не давали покоя. Федотову казалось, что все показывают на него пальцами. Не вытерпел:

— Тов. Лукин,—обратился он к своему пому, ты мастер составлять. Писани-ка что-нибудь на эту чертовщину!

— Я напишу,—согласился пом,—только, знаете, надо будет заручиться поддержкой месткома и ..

— О, об этом не беспокойся, перебил Федотов—я все сделаю.

III.

Кончен трудовой день. Закатилось солнце. Ночной полумрак захлестнул окраины. Разом всполыхнуло огненное зарево над центральной частью города. Ожили, почувствовав смену температуры, рестораны, гостинницы, харчевни. Как угорелые шныряли в них, стараясь угодить каждому „гостю", слуги.

— Эй! Мм... Мадам!—орал охрипшим голосом Федотов,—еще ведро пива!.. Да поскорее!

— Что ты опиться задумал? бормотал предместкома.

— Ничего, не опьешься—успокаивал Федотов—Пей! за все заплачу.

Бокал за бокалом распивалась „живительная влага". С тарелок и ваз закуска исчезала с изумительной быстротой. Компания заметно охмелела

Федотов был задумчив. Пил мало. Он, казалось, выжидал удобной минуты, чтобы удрать от своих приятелей.

— Как ты думаешь, Лукин, пройдет эта штука?

— А почему-же она «не пройдет»?! Только, вот, приписать бы где нибудь в уголочке, что, мол, в скором времени Мра пришлет большое об'явление и старую задолжность.

— Это что-же, вроде взятки?

— Ну, какая там взятка... Это не взятка, а все-таки...

И Лукин передал Федотову бумажонку такого содержания:

«Тов. Редактор! Не откажите поместить... автор... клевета... невообразимая чушь... ничего этого не было! Откуда это взято? Я советую... Все сие заверяется месткомом Мра и пятью авторитетными лицами...»

Быстро пробежал глазами содержание бумаг Федотов.

— Нет, про об'явление ничего не нужно писать—лишнее. В фельетоне еще протянут. Это такие сволочи...

В девять часов утра, прямо из ресторана, Федотов отправился в Мра.

IV.

Прошла целая неделя с тех пор, как курьер сдал в редакцию опровержение. Каждый день Федотов с нетерпением ждет газету. Но как ни взглянет, нет и нет опровержения.

— Замариновали окончательно!

— Нет, не замариновали,—и пом подал заву свою газету.— Прочти-ка.

Федотов взял газету и прочитал: „Тов. Федотову. Ваше опровержение направлено для расследования факта губпрокурору. Если выяснится, что автор «наврал», то вы можете привлечь его к судебной ответственности за клевету в печати. А редакция будет иметь возможность поместить тогда ваше письмо».

Огорошенный таким оборотом дела, Федотов едва не упал с кресла.

— Засыпались! Теперь всех нас выведут на свежую воду.

И как ни старался Федотов с друзьями замести следы преступления,—не удалось. Дознание подтвердило факты, описанные в заметке. Оно оголило, раскрыло темную сторону «официального опровержения» и вся компания села за него на скамью подсудимых.

— Лучше-бы не писать!—говорил перед началом процесса Федотов.

Прикрывать правду ложью, все равно, что заслонять солнце ладонью..

А. П. Поляков.

Следы потерянного родства.

Рассказ.

I.

Зимняя ночь.

Жестоко-морозная тихая ночь, когда треск земли похож на отдаленный глухой выстрел и скрип по снегу далеко слышен в разреженном воздухе.

В одну из таких ночей плацкартный поезд, шедший из Пензы в Тулу, завуалированный дымом, как прикрытием на войне, точно убегал от этих выстрелов, прибавляя ходу и лишь замедляя его на под'емах.

Бежит—бежит поезд, по железнодорожному—развивая скорость, а по мужичьи—точно с цепи сорвавшись.

И уносит он временных обитателей своих в ту безвестную и вечно новую даль, где, как кажется людям, и солнце светит иначе и жизнь полна неиспытанными радостями.

Тихо в вагонах и только колеса, совершая свой мерный бег, постукивали на стыках рельс да на поворотах слегка дребезжали окна.

Пассажиры в большинстве спали, боролись с дремотой проводники и редко—редко кто из едущих на близкое расстояние бодрствовал, опасаясь проспать свою остановку.

Каждый знал, где кому высаживаться и, ощущая радость встречи с близкими и родными, испытывал то волнующее чувство, которое как-бы обновляет человека, делает его жизнерадостным и... моложе своих лет.

Каждый знал...

II.

Но что, например, могли знать два подростка, по прозвищу один—Колчак, а другой—Сапун.

Они сидели под плацкартным вагоном в ящике, где возят собак.

Так и называется это пассажирское место—собачий ящик.

Колчак старше Сапуна, ему двенадцатый год, и он считает себя вполне возросшим, чтобы курить, пить водку и матерно ругаться.

Прозвище свое Колчак получил за ярко выявляемые на каждом шагу буйные и воровские наклонности.

Колчак лежал в ящике спиной к задней стенке, одетый в рваный, но все же полушубок, и обутый в новые, серой шерсти, валенки:

— Стащил на погрузке—признался он о валенках:

— Как-то мужик из потребилки забалакался с грузчиком, как в деревне живут, я и слямзил.

— Буржуй—с завистью сказал Сапун, одетый не по сезону.

Сапуну десять лет, он мал ростом, щуплый, худосочный, его глаза были похожи на взгляд затравленного зверка.

Сапуном его прозвали год тому назад за те шипящие и хрипящие звуки, которые исходили из его гортани и которые говорили о жестокой простуде, а, может быть, и об одной из ужаснейших болезней.....

Сапун с Колчаком познакомились недавно, часа два тому назад на какой-то большой станции, где поезд останавливается на десять минут, где много высаживалось и садилось пассажиров, и где, пользуясь темнотой и суматохой, им посчастливилось попасть в собачий ящик.

Колчак курил, и свет от вспыхивающей собачьей ножки (и тут собачья!) освещал сжавшегося в комок, по-ежиному, Сапуна.

— Эх, братов, и костюм же на тебе—полубутылки русской горькой не дадут! Ха—ха—ха!—как-то по-лошадиному ржал Колчак.

— Буржуй!—снова отзывался Сапун и, не то по адресу Колчака, не то по привычке, разразился такой площадной бранью, что даже у Колчака, которого, по его же собственному признанию, ни одна собака не перебрешет, вырвалось восторженное:

— Молодец: шпаной будешь! Без отца, говоришь, по матерному-то выучился?

III.

Напоминание об отце сразу изменило злое настроение Сапуна и вызвало в памяти, казалось, далекое прошлое, когда ему, Сапуну, называвшемуся тогда Сашей, Санькой, сынком милым,—шел седьмой годок.

Тяжелые воспоминания.

На какой-то пересадочной станции (где она и как называется—Саша не помнит) умер отец.

Умирая, он все гладил по головкам и ласкал Сашу, двух сестренок его, старше возрастом, а меньшого, грудного братишку Федю чуть не раздавил, залившись слезами.

Помнит Саша, что дело это было на железнодорожных путях, между длинными составами товарных вагонов.

Федю отняли от отца бабы.

Одна из них, вся заплаканная, умоляла:

— Митрий, родной, отпусти: всех не возьмешь с собой.

— Вырастут, бог даст, людями будут.....

А мать держали за руки, брызгали ей холодной водой в лицо, когда она, простоволосая, с вывалившимися из порванной кофточки грудями, благим матом кричала:

— Ой, пустите меня, пустите, я брошусь под поезд!

Куда девались после того мать, сестренки и грудной братишка, Саша не знает, также, как и сейчас не знает, чей он, откуда и куда едет.

Мать, Федя—Саша до сих пор ясно помнит, как играл он с этим мальчиком, который хватал его ручонками за волосы и аукал от радости—как было-бы хорошо найти их, чтобы никогда, никогда больше не расставаться.

На сердце что-то заныло, глаза покрылись мокрым.

Саша плакал:

— Ма-а-ма!

— Э-э, нюня! Знал-бы не связывался с тобой—пнув Сашу кулаком в бок, раздраженно сказал Колчак.

— Федьку ж-а лко—всхлипывал Саша, не обращая внимания на недовольство спутника:—Ма-а-хонький... Играли мы... Где-е-е он?

— А я почем знаю! Адресный стол что-ли?—огрызнулся Колчак.

И, немного помолчав, уже участливо заметил:

— Ну, перестань, будет. Может быть и найдешь когда.

Хотел еще что-то сказать, но хороших слов не было.

IV.

Поезд стал сбавлять ход, колеса стучали тише, медленней, и плач Сапуна становился слышней.

— Что тебя прорвало?—уже без оттенка какой-нибудь жалости сказал Колчак: услышат, ссадят—не так взвоешь!

— М-а-ма!

Поезд останавливался, но Саша все еще не мог остановиться от всхлипываний.

Тогда Колчак, нащупав его голову, повернул лицом к себе и, расстегнув полушубок, прижав ртом к груди и, закрыв полушубком, ударил по голове кулаком, что должно было означать:

— Молчи!

Поезд остановился.

Кто-то звал смазчика.

От паровоза кричали:

— Скорей иди: почта есть!

Мимо хрустело по снегу от множества ног.

И невдалеке от собачьего ящика слышны радостные восклицания:

— Насилу дождались! Фединька, дай я тебя обниму, миленький! Нюша, иди сюда! У-у! Какая большая стала!

Слышно, целуются.

— Мою сестру тоже звали Нюшей—сквозь слезы заметил Саша, вынырнув головой из под полушубка.

Колчак снова поймал его за голову и еще крепче прижал ртом к груди.

Три звонка.

Неслышно снялся поезд с места и помчался дальше.

— Сволочь!—выругался Колчак, выпуская Сашу из своих об'ятий: а ежели б услыхали?

И, застегнув полушубок, махнул рукой:

— Теперь плачь до следующей остановки!

Но у Саши порыв выплакать свое горе уже прошел.

Он снова по-ежиному сжался в комок и... ни о чем не думал.

Даже может быть заснул-бы, если-бы не было так пусто в желудке.

V.

Чувствовал ощущение голода и Колчак.

— Ты, Сапун, смотри не засни: околеешь—заметил он: знаешь что, люди в дороге закусывают, а мы давай с тобой поговорим, чтобы забыться и не заснуть.

Саша молчал, утомленный пережитыми воспоминаниями и одолевавшей дремотой.

Колчак, как-бы сознавая необходимость загладить свое грубое обращение с ним, сказал:

— Знаешь, поругал я давеча тебя, а все же мне тебя жалко. Слышь, Сапун!—тормошил он Сашу: хочешь, историю одну расскажу. В Сызрани со мной дело было.

— Расскажи—отозвался Саша: только дай я тебе за пазуху руки засуну: мерзнут.

— Давай—сказал Колчак, отстегивая полушубок.

И начал рассказ:

— Это было год тому назад. Толкался я по станции. Кто кусок хлеба даст, кто недоеденную рыбу, а больше отпугивали. Подошел я к одному гражданину, рожа—кобель из подворотни, попросил милостыню, а он меня как пнет ногой в живот: в карман, говорит, метишь, стрекулист.

Закрыл я глаза шапкой и уйти хотел.

Гражданин заорал:

— Хо-хо, не в бровь, а в глаз!

Кто-то заметил злобно:

— Вот шляются!

А из угла послышалось:

— Милиционер!

Бросился я бежать, хоть никакой вины за мной и не было, но упал через мешок, растянулся на полу и от боли, а больше от обиды, заплакал.

Плакал, как ты-же вот сейчас.

Вдруг слышу женский голос:

— Как вам,—говорит,—не совестно? Ребенок есть хочет, а вы улюлюкаете. Может — говорит — его родители честней вас были.

Подымает меня, гладит по голове и зовет:

— Иди, поешь с нами!

Сама добрая, голос такой ласковый, прямо за душу хватает. Давно со мной так не разговаривали

Пошел. Сел на багаж.

Девочка тут, мне ровесница, спрашивает:

— Мама, чей это?

Другая, постарше, наливала чай и резала сало.

— Не знаю—говорит: жалко мне его. Может быть и наш Сашенька где-нибудь вот так-то живет.

— Мама! - во всю мочь простуженного горла закричал Саша, заплакав пуще прежнего.

— Опять: ма-а-ма! Ты не перебивай, дай досказать.

— Моя мама! — как бы рванувшись куда, крикнул Саша: как девок-то звали?

—Не знаю—ответил Колчак. С полчаса просидел я с ними. Накормили меня, расспрашивали, где и как беспризорные живут.

Потом подошел поезд на Самару и они уехали; сказывали, что домой возвращаются. Провожал я их—плакал.

Поезд ушел, а я все стою, пока не прогнал милиционер.

— Они, они!—ухватив Колчака за талию, трясся от плача Саша: ма-а-альчишки не было?

— Нет, не было—упавшим голосом ответил рассказчик и, подумав, добавил:

— А ведь, пожалуй, Сашук, и взаправду это была твоя мать!

— Не знаешь, куда они поехали?—устало спросил Саша.

— Нет, не спрашивал. Да ты не плачь. Ей-бо!

— Найдешь когда нибудь. А пока не пропадем—утешал Колчак расстроившегося спутника: до весны как-нибудь протянем, а там катнем к хохлам. В пастухи наймемся, рыбу удить будем, ягоды собирать. Хорошо!

—Ври?—вынимая руки из колчакова полушубка, удивился немного пришедший в себя Саша:

— А мне сказывали не принимают в пастухи таких-то.

— Не принимают, так черт с ними!—выругался Колчак: в Сибирь трахнем, там мужики богатые, в работники возьмут. Нам не загрозишь: не повезло в одном месте, в другом найдем. Я Россию знаю!

Петр Никишин.

Надат.

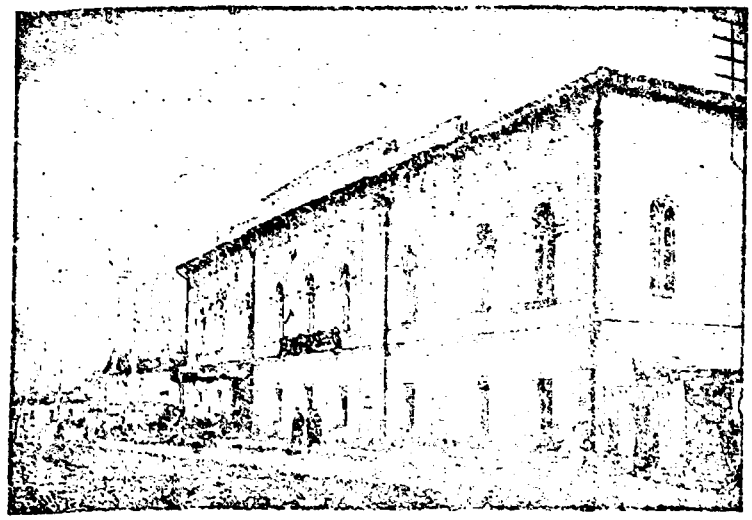
Звон призывный, звон мятежный
Вьется, рвется в высь...
Весь—тревога, крик безбрежный,
Весь—призыв: «проснись»!

Наступило наше время,—
Сбросим тяжкий гнет!
Пусть, кто хочет, тащит бремя,—
Мы пойдем вперед!

А. Н.

Дворец Труда.

В этом доме раньше было дворянское собрание, а сейчас он занят рабочими профессиональными организациями (ГСПС, губотделы союзов: всеработземлеса, химиков, медсантруд и др.).



Уроки 1 августа.

Т. Бела-Кун, быв. председатель Венгерской ССР.

21 марта 1919 года рабочие Венгрии провозгласили диктатуру пролетариата.

Четыре с половиной месяца длилась героическая борьба на два фронта: против внутренней контр-революции и иностранных орд, поддерживаемых Антантой.

Первого августа 1919 года диктатура пролетариата пала, и ее сменило социал-демократическое правительство. Вскоре социал-демократы очистили дорогу бешеному белому террору.

После провозглашения диктатуры пролетариата молодая компартия Венгрии соединяется с социал демократической партией. Сидевшие в тюрьмах вожди коммунистов приняли предложения социал-демократов, считая необходимым взять в свои руки руководство движением.

Но они совершили роковую ошибку: распустили коммунистическую партию и соединились с социал-демократами.

Две трети Венгрии были в руках помещиков. Крестьяне разочаровались в венгерской коренщине, которая только обещала, но не решилась дать им землю. И коммунисты также не дали. Они не научились от Октябрьской революции, от тов. Ленина, не обеспечили себе поддержку единственного могучего союзника пролетариата—крестьянства.

Эти роковые ошибки ускорили падение пролетарской власти в Венгрии.

Но были и еще причины, коренившиеся в тогдашнем международном положении Венгрии. Это—отсутствие возможности маневрирования в маленькой Венгрии и оторванность венгерской революции от Советской России.

Но венгерский пролетариат не напрасно взялся за оружие.

Сегодня, после шести лет, мы ясно видим наши ошибки. Победа венгерских трудящихся масс будет тяжелей первой. Но, сильная учетом прошлых уроков, она будет вернее.

П. Г.

КИНО.

На читке кино-сценария П. О. Никишина.

30 июля, в агит.-проп. отделе губкома РКП (б), П. О. Никишиным был прочитан, составленный им кино-сценарий, действие которого происходит в нашей губернии.

В своем произведении тов. Никишин агитирует за улучшенное ведение сельского хозяйства крестьянством, указывая ему пути к достижению этой цели. На экране будет показана работа сельско-хозяйственных машин (трактора, сеялки, жнейки, сноповязалки) и представлено, каким образом крестьяне могут получить в сельхозбанке кредит на приобретение этих машин, а также где их можно купить. Затем будут демонстрироваться улучшенные способы ведения сельского хозяйства, деятельность первоклассного совхоза и правильно поставленной кооперации.

Все это облечено в повествовательную форму, рисующую борьбу крестьянина-бедняка с сельским кулаком.

В сценарии не забыты также романтическая и бытовая стороны крестьянской жизни. Так, в нем изображено самоубийство батрачки, изгнанной кулаком после того как сын его ее изнасиловал и она готовится быть матерью. Дальше идет покушение на убийство селькора тем же кулаком, причем выявляется солидарность, существующая между бедняцким слоем сельского населения, выражающаяся в том, что нанятый кулаком убийца предупреждает селькора о грозящей ему опасности.

Вообще лента должна иметь успех у нашего крестьянского населения, так как она всецело затрагивает его быт и нужды.

В непродолжительном времени из Москвы прибудет кинопостановщик, который и произведет зас'емки.

Размером лента будет достигать 1500 метров и будет разделена на 6 небольших частей.

Играть будут или актеры из местной драматической труппы или же специально для этого приглашенные.

Театрал.

ТЕНИ ЗАМУЧЕННЫХ.

(Исторический очерк Н. И. Емелина).

В 32 верстах от гор. Саранска, Пензенской губернии, в северной части уезда расположена небольшая деревня Каменка, Ромодановской волости. В крепостное право она принадлежала первоначально помещице Анне Мертвой и сыну ее,—большому самодуру, поручику Николаю Мертвому, а потом перешла во владение жестокого и кровожадного помещика, Василия Яковлевича Теплова. О том быте крепостных Каменских крестьян под властью этого тирана и изверга я и хочу рассказать здесь, в этом очерке, строго придерживаясь правдивости тех подлинных исторических документов, которыми располагаю. Документы эти заключаются в об'емистом „деле" и озаглавлены самим помещиком Тепловым так: „О неповиновении и бунте крестьян сельца Каменки против господина своего коллежского ассесора Василия Яковлевича Теплова" и начало свое взяло в 1797 г., т. е. 127 лет тому назад. Материалы эти являются далеко не без'интересными для всех, а для наших крестьян, свободнейших теперь во всем мире,—в особенности.

Места, которые будут встречаться в очерке, обозначенные ковычками, означают, что они взяты целиком с документов без всяких изменений и поправок.

Автор.

I

У помещика Николая Мертвого был заведен, как и у многих других, такой порядок для его крепостных крестьян: что-бы не возиться с их прокормлением—им отводилась небольшая площадь земли, и с нее они должны были добывать себе все необходимое для жизни. Кроме этой земли, крестьяне ничего не получали от помещика.

Работать на ней разрешалось тогда только, когда они были свободны от барского дела.

Конечно, «свободы» этой у них не было совсем: барский двор, барский скот, необозримые барские поля, убивали у них все трудовые дни от зари до зари. Приходилось поэтому, чтобы не погибнуть с голоду, возделывать данную им землю в ночное уж время, и в те немногие дни, которые определялись самим «барином». Порядок этот беспощадно поддерживался царским законом и идти против него—было нельзя. Иначе грозила смерть под плетьми, или «вечная каторга».

Нужно-ли говорить о том, что старый и малый, мужчина и женщина, находясь при таких условиях чудовищного порабощения, работали до полного изнеможения, до полного упадка сил, и бросали работу только тогда, когда ослабевали все мускулы, мышцы...

И вот потому-то, когда соседний помещик Яков Васильевич Теплов «самодурства ради» захватил у крестьян д. Каменки, Саранского уезда, большую часть их земли, с которой они должны были питаться и которую получили от своего «барина» Николая Мертвого,—у каменцев совсем опустились руки. Земля оказалась занятой посевом Теплова. Они обрекались на голодовку и умирание. Не знали каменцы, что произошло между этими помещиками: Мертвым и Тепловым.

А произошло то, что Мертвый их продал последнему «с землей и всем на ней находящимся». Жестокий и кровожадный был помещик Теплов. Отпрыски его сохранились еще и до настоящего времени. Он нашел что «новокупленных» крестьян можно перевести и на меньший земельный надел.

Сказано—сделано ..

Вслед за этим он потребовал на свои работы и их самих.

Крестьяне, считая себя принадлежащими помещику Мертвому, не знали что делать О совершившейся купле—продаже им никто ничего не сказал. Сомнения разрешил пришедший к ним с приказом от Мертвого крестьянин Данил Максимов:

«Барин не приказал работать на Теплова»—сказал он. Дело-же обстояло, на самом деле, так: когда вернулся Мертвый после продажи каменских крестьян из города Ардатова домой, и проспался от пьяного угара, ему жаль стало лишиться своих людей и земли.

Вспомнив, что продажа эта состоялась по частной письменной сделке с Тепловым, а не крепостным порядком, и надеясь отыграться на этом, он и повернул «оглобли назад», послав крестьянина Максимова к каменским с таким приказом.

Каменцы, конечно, подчинились требованию своего прежнего владельца.

Теплов пришел в ярость от «неповиновения» ему крестьян и послал сейчас-же нарочного в ардатовский нижний земский суд с просьбой «по поводу такому», как это свидетельствуют исторические документы: «что дошедшие ему от поручицы Анны и сына ее поручика Николая Мертвого в с. Каменке крестьяне, чинят против его ослушание». Результатом этой просьбы явилось то, что «по сопротивлению» этому «на другой день и отправился от нижнего земского суда заседатель поручик Лихов на место для приведения тех крестьян в повиновение, с вытребованием из Ардатовской Управы статного войско командою». Царские опричники всегда были готовы нещадно расправиться с порабощенным крестьянином по первому знаку помещика. Да и царский закон приказывал делать это. Так, например, ст. 394 уголовных уложений того времени говорит: «крепостные люди за вины против помещика, равно, как и за проступки их, подлежат наказанию *по усмотрению повещика*, или подвергаются по его просьбе полицейскому наказанию, с возвращением на прежнее жилище, или-же содержанию в смирительных и рабочих домах на срок, самим владельцем определенный».

Это значит: крестьянин отдавался в полную и ничем не ограниченную власть помещика. Он волен был казнить его и миловать .. Другая статья, 396, еще безнадежнее предрешала судьбу крепостного человека; вот ее содержание: «Если крепостные люди и крестьяне учинят явное непокорство законным властям, возмущение противу господ своих и сопротивление воинской команде: то их предавать на месте военному суду» т. е., расстрелу.

О высылке «статной войсковой команды» в сельцо Каменку сообщили, конечно, Теплову незамедлительно. «Помещик Теплов туда со своими дворовыми людьми приехал». Крестьяне, завидя еще издали приближение этих шаек кровожадных палачей, сразу поняли в чем дело. Свист хлыста по голому телу, смерть под просоленными плетьми,—они слышали и видели не раз на своем веку. Знали каменцы и то, что пощады от скакавших к ним опричников барских и царских—ждать нечего, хотя и не понимали совершенно того.

— В чем именно они провинились?

Перед ними встал во весь рост ужас их положения и они окончательно растерялись.

Был у них на селе один крепкий умом мужик—«Петр Васильев по прозванию Елисеев». За деловые речи его уважали крестьяне. Бросились все к нему: что посоветует...

Надумали не пропадать задаром. Все равно их ждала каторга или смерть под плетьми.

Припасли на всякий случай единственное у них орудие защиты—колья и стали ждать: что будет.

Палачи присвакали. Вместе с ним понеслись по сельцу и вопли, крики, стоны бичуемых. Они сразу начали с порки. Плеть то и дело опускалась на плечи крестьян. Не щадили никого: ни старого, ни малого. Били жестоко.. Наконец не вынесли каменцы. „Сбунтовавшись"—читаем мы в рукописи исторический протокол следствия,—«и злодейским образом собравшись по одному у крестьянина Петра Васильева по прозванию Елисеева в дом, и набрав себе в руки дреколие, с пришедшими к дому солдатами и с дворовыми помещика Теплова людьми произвели драку в воображение таковое, будто солдаты от Теплова подкуплены и все те неудовольствуясь с яростью дерзнули и заседателя Ляхова а с тем вместе и самого помещика Теплова из жительства своего вон дреколием выгнали. А между тем воинских чинов, равно и дворовых помещика Теплова людей так жестоко избили, что из них на другой день прикащик Теплова и умре, а четырех человек, как-то дву военнослужащих да дву оне из дворовых людей оставили от тех жестоких побой на месте едва живых недвижимыми, коих за то в немощне поклав они Каменские в оставленную через бунт заседателем Ляховым повозку и вывезли в ней вон из своего жительства».

Это был взрыв нестерпимой боли, отчаянья, непоколебимого сознания своей правоты.

Н. И. Емелин.

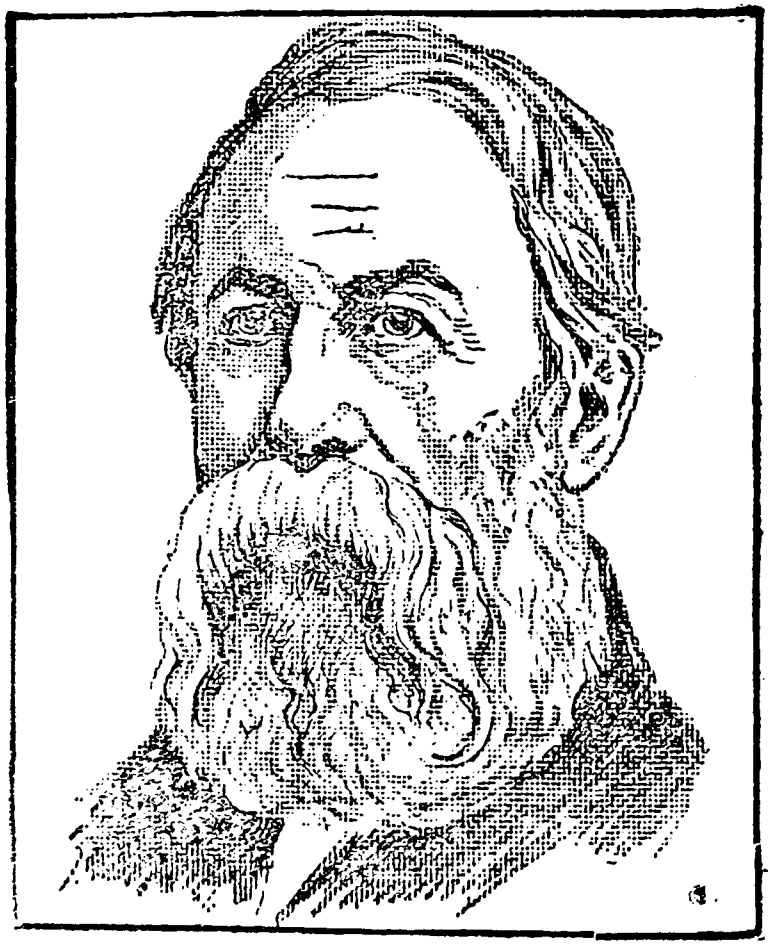
(*Продолжение в следующем №*).

Фридрих Энгельс.

(К тридцатилетию со дня его смерти.

Кажется нет в нашем СССР ни одного грамотного человека, который не слыхал бы этого имени. Стоит только назвать Карла Маркса и сейчас же вспоминается его ближайший друг и соратник Ф. Энгельс.

Родился Ф. Энгельс в 1820 г. в Бармене (Германия) Рейнская провинция, где находится этот город, уже в то время славилась во всей Германии наиболее развитой промышленностью и многочисленным пролетариатом.



Отбыв военную службу, Ф. Энгельс стал работать в одном из фабричных предприятий г. Манчестера (Англия).

В 1843 г. он в Париже (главный город Франции) познакомился с К. Марксом, а уже в 1844-45 г. г. появляется их общая работа „Святое Семейство". Это произведение имело историческо-философский характер и сразу обратило на себя общее внимание.

В 1845 году Энгельс издал свою знаменитую книгу „Положение рабочего класса в Англии"; которая может считаться первой работой по научному социализму.

Вместе с К. Марксом Энгельс являлся организатором „Международного Коммунистического Союза" (1-го Интернационала). Для этого союза ими и был написан „Коммунистич. манифест".

Энгельс помогал К. Марксу во всех его научных работах и потому считается одним из основоположников научного социализма. Главным его произведением по философии марксизма является книга „Анти-Дюринг (против Дюринга). В тоже самое время Энгельс принимал самое активное участие в политической борьбе.

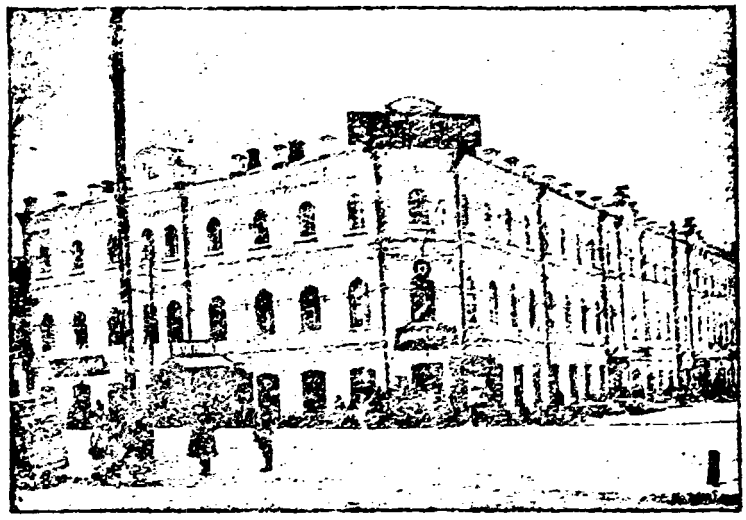
После смерти Маркса (в 1883 г., роль вождя международной социал-демократии в теоретических и практических вопросах перешла целиком к Энгельсу.

Умер он 5-го августа 1895 года

Дом крестьянина.

Дом крестьянина в Пензе оборудован хорошо. Приезжий крестьянин найдет в нем не только приют, но и получит необходимую справку, прочитает нужную книгу и т. п.

В доме имеется большой зал и ряд хорошо обставленных уголков. В доме же крестьянина помещаются управление и магазин госсельсклада.



Стихотворения.

И опять набегает лавина
Взбудораженным чувством пьяна.
Я не думаю, чтоб соловьиное
Захватило потоком меня.
То же солнце горячего ливня,
Что и двадцать два года назад.
Только смята безжалостно им я
И потухли девичьи глаза.

Жжет песок,—раскаленная тара,—
Равнодушный к прожитым годам.
И так просто улыбная старость
Подкосила чуть-чуть ворота.
Приоткрылись заржавые двери
В неразгаданный Вечности путь.
И никто никогда не измерит
Мои думы и смятую грусть.

Ни полынь, ни рассветное пение
Догорающий мозг не пьянят,
И нисколько не жаль, что весеннее
Не коснулось потоком меня!

А. Кузьменко.

В ПОЕЗДЕ.

Улыбаются зеленые леса
И приветливо кивают мне во след.
Подо мною звук чеканный колеса...
Еду, еду и печали в сердце нет...

То долины, то луга, то темный бор,
Проплывают, выплывают и пестрят,
Вдохновенно очаровывают взор,
Вызывают ощущений новых ряд.

Словно ожило безмолвие долин—
Все колышется, все движется, живет,
А меня, как в старой сказке, исполин—
Паровоз вперед стремительно несет...

Г. Жидков.

Летнее.

Грохнула громом тяжелая туча,
Кушаком огневым опоясав полнеба,
В поле стало, как-будто, безмолвней и жутче,
Зашуршало в колосьях растущего хлеба;

Заструилось из тучи ворчливым потоком,
Вздыбилась речка волнами чернильными,
Но уж солнце рвет тучу на небе высоком
И бежит она за море в гневе бессильном.

А. Ж.

Театр и музыка.

Упадок театрального дела в Пензе.

Наш земляк, знаменитый критик—революционер, В. Г. Белинский указывал на большое воспитательное значение, которое имеет для массы хорошо понятое театральное представление, и убедительно советывал своим читателям посещать театр.

Со времени смерти В. Г. прошло уже 75 лет и этот его завет пензенской публикой уже, кажется, совсем забыт. По крайней мере, вот уже несколько сезонов подряд пустуют залы наших театров. Администрация сезонных драматических трупп мечется по репертуару, стремительно бросаясь от драмы к мелодраме, от мелодрамы к историческим пьесам, хотя исторического в них очень мало, и от этих последних—к заведомой „халтуре" (пьесам, сомнительного литературного качества) и все это делается из-за желания угодить вкусам публики, этого таинственного сфинкса, от которого зависит актерское благополучие. Она ищет путей к полной кассе, но приходит, в лучшем случае, к полуполной.

Мелодрама, этот любимый широкой публикой род драматических произведений—и та идет при полупустом театре. Пресловутый „Заговор императрицы", ставящийся сейчас в Москве ежедневно при полных сборах в трех центральных и в нескольких окраинных театрах, у нас имеет совсем небольшой успех.

Гастролирующие оперный и балетный коллективы и концертанты должны выступать перед публикой, на три четверти состоящей из бесплатных контромарочников, которых поневоле впускают в театральные и концертные залы, чтобы они не были подобны пустыне. И только некоторым из них благодаря действительно выдающимся из ряда вон качествам, или же вследствие известного, возбуждаемого ими любопытства, удается собрать эту самую, казалось-бы совсем индиферентную к искусству, публику. Таких счастливцев за весь прошедший зимний и нынешний летний сезоны было всего три: скрипач Эрденко, певица Коломийцева и юный пианист Бицкий.

Неужто-же так слаба труппа нашего летнего театра, неужто-же так неинтересны гастролеры, что публика упорно отсутствует на их представлениях?

На эти поставленные нами вопросы, мы должны ответить отрицательно.

В состав летней труппы вошли очень талантливые и интересные актеры. Назовем, хотя-бы Голодкову, Долеву, Мравину, Чаусскую, Костюрину и (отчасти) Черник, Георгиевского, Вертышева, Муромцева, Емельянова (когда он выступает в своих ролях, а не изображает, как то было зимой, героев и салонных кавалеров, к которым у него никакого призвания нет),—и мы увидим, что труппа наша должна была-бы привлечь публику, Репертуар тоже составляется (к сожалению, в ущерб литературному достоинству и воспитательному значению театра), как говорится, на все вкусы. Пьесы ставятся, по мере возможности, хорошо.

И вот, несмотря на все эти данные, театр или пустует, или дает весьма неважные сборы, среди которых изредка только наблюдается порядочный наплыв публики

Оперная труппа, на днях гастролировавшая в „Олимпе", показала нам двух действительно прекрасных певцов: баритона—Полиновского и сопрано—Миклашевскую, имена которых известны не только Москве, где они обычно поют с громадным успехом, но и всему СССР. Балетный коллектив, со своей стороны, показал хорошо поставленные танцы и весьма интересных танцовщиц—Гаврилову и Савицкую. На концертной эстраде выступил сам Мозжухин.

И что же — результат получился для всех них самый плачевный. Сборы были совсем неважные.

Переходя к кино, которое должно, по мнению театральных спецов, убить самый театр, мы тоже должны констатировать почти полное равнодушие к нему со стороны публики. Идейные картины сбора не делают и только сильно трюковые, американского происхождения, в которых, главным образом, фигурируют акробатические упражнения в ущерб действительной жизни, способны расшевелить публику.

Таково, в кратких словах, положение театрального и музыкального, и кинематографического искусств в Пензе, городе, когда-то славившемся своим в них пониманием. И вполне понятно, что артисты всех видов нас тщательно об'езжают, а что те из них, которые по старой памяти или просто по неведению положения дела, к нам еще заезжают, затем дают торжественную себе клятву в том, что их сюда больше не заманишь даже калачом.

Что будет в дальнейшем в области сценического искусства, мы, понятно, предугадать не можем, но что перспективы в этой области—самые неутешительные, так этого отрицать невозможно.

Театрал.

Пенза—Москва—Ленинград—Вологда.

2500 верст пешком.

Фетенков. Константин Николаевич. Ему 32 года. До 1924 года находился в рядах Красной армии. Буденовец Теперь признан инвалидом. Родился в Ленинградской губернии. Последнее время проживал в Пензе. Полукрестьянин, полурабочий. По профессии пекарь. Беспартийный.

Задавшись целью пройти пешком от Пензы до Владивостока и изучить по пути на местах быт крестьянина и рабочего, Константин Фетенков 1-го мая сего года вышел из Пензы и миновав Тамбов, Рязань, 8-го июня прибыл в Москву,—*пройдя пешком 786 верст.*

В Москве тов. Фетенков находился целую неделю, осмотрел музеи, побывал в Кремле, где он осмотрел комнату в которой жил и работал Владимир Ильич. Побывал Фетенков и в мавзолее Ильича.

Беседовал с Михаилом Ивановичем Калининым и очень был доволен, что мог поделиться с Михаилом Ивановичем своими впечатлениями.

15-го июня тов. Фетенков вышел из Москвы по маршруту Тверь—Новгородская губ.—Ленинград. В Ленинград прибыл 29 июня. Здесь опять посетил музеи, Зимний дворец.

— Увидел, говорит т. Фетенков лично в какой роскоши жил Николай кровавый. Четыре часа я бродил по дворцовым комнатам, сравнивая мысленно скромную комнату нашего вождя Ильича, которую видел в Кремле, и эти лабиринты сотен дворцовых зал последнего царя.

3-го июля т. Фетенков вышел из Ленинграда. 6-го июля посетил Волховстрой, где осматривал и поражался грандиозностью сооружения.

18 июля, пройдя по волостям Череповецкой губернии—Фетенков прибыл в Череповец.

И, наконец, 24-го июля т. Фетенков пройдя пешком 2500 верст прибыл в Вологду.

Трудно описать все впечатления, которыми охотно делится тов. Фетенков. Он отмечает большой культурный рост нашего крестьянства. Отмечает сочувственное отношение крестьян к переходу на многополье и говорит о большом движении среди крестьянской молодежи к новому быту.

Тов. Фетенков ведет записки своих путевых впечатлений.

В Вологде он думает пробыть 2 дня.

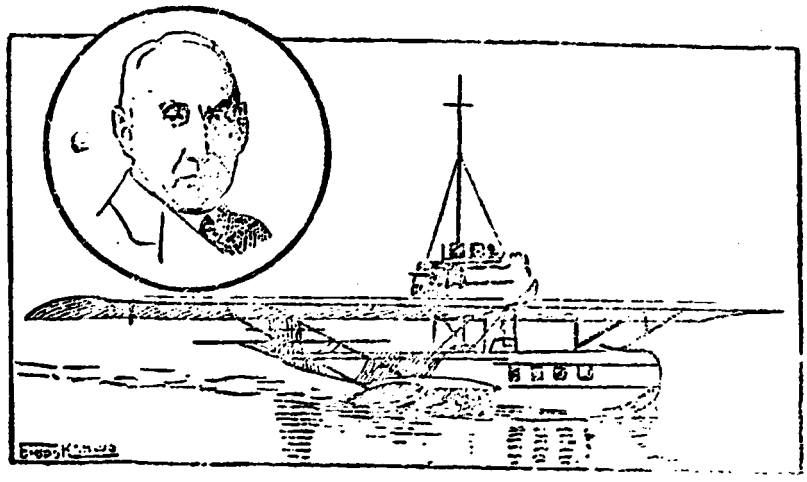
Дальнейший маршрут его: Вологда—Вятка—Пермь—Кунгур—Екатеринбург—Омск.

А дальше на Владивосток.

Тов. Фетенков отмечает, что за время пути он чувствует себя гораздо бодрее и здоровее, чем ранее и даже прибыл в весе на 3 фунта.

Пожелаем же тов. Фетенкову дальнейшего счастливого пути.

М. З.

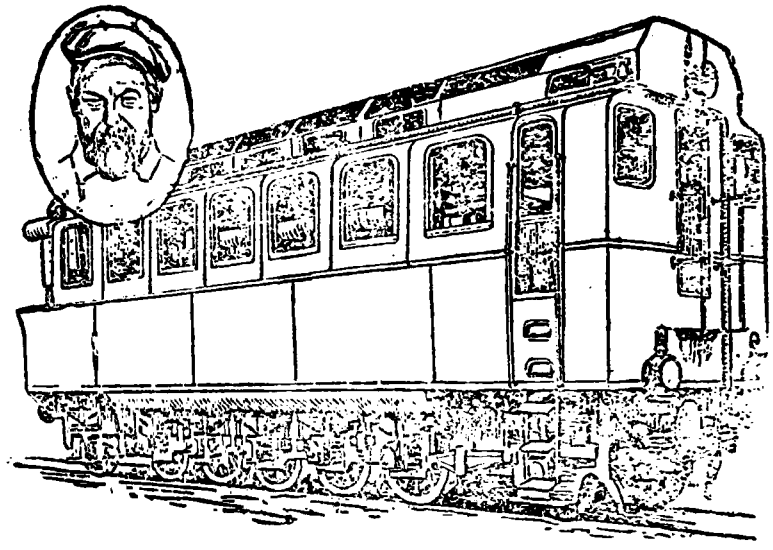


РОАЛЬД АМУНДСЕН

и один из его гидропланов (морской самолет), на котором он пытался совершить полет к северному полюсу.

Этот полет окончился не совсем удачно и доказал непригодность аэропланов для полетов в арктических странах.

Следующий полет к полюсу Амундсен думает совершить на дирижабле, надеясь, что этот полет даст более благоприятные результаты.



ТЕПЛОВОЗ

проф Ломоносова, приводимый в движение двигателем внутреннего сгорания. Ряд пробегов, сделанных тепловозом доказал полную его пригодность для движения по всем дорогам СССР.

Особенно трудной для железнодорожного движения является закавказская ж. д. с ее необыкновенно крутыми под'емами и уклонами. Однако, и из этого испытания тепловоз вышел с честью.

Обо всем понемногу.

В „демократической Америке".

Смерть на электрическом стуле—самая ужасная, самая мучительная.

Убивать людей электрическим током додумалась бесстыдная, „ошалевшая" от достижений своей техники, американская буржуазия. В отношении наказания „строптивых" она опередила все капиталистические страны земного шара.

Чтобы дать своим читателям полную картину „дикой культурности" мы приводим описание одного очевидца казни на электрическом стуле. Вот оно:

„В пяти шагах от нас стоял электрический стул, на котором „правосудие" должно было казнить одного за другим двух братьев Даймонт и итальянца Фарино.

Вводят первого осужденного, Мориса.

Он низкого роста, лицо совершенно белое, щеки глубоко впалые. Глаза затуманены и, кажется, ничего не видят.

Минута—и он крепко привязан ремнями к стулу.

На голову ему надели черную полумаску—электрические провода, которые плотно охватили его чисто выбритую голову. К обнаженной правой ноге прикрепили другой электрический провод.

Все готово. Один из старших взял со стола белую салфетку и опускает ее на пол. Это—знак. Палач быстро подымает руку, поворачивает рычаг.

Звук металла, шипение электрического тока. Осужденный конвульсивно приподымается, его шея и лицо надуваются, становятся все краснее и краснее.

Страшная минута, которая тянется, как вечность. Хочется отвернуться, закричать диким голосом, и не можешь оторваться от этого полуоткрытого рта и белеющих зубов.

Снова звук рычага, и ток прерван. Один из надзирателей расстегивает рубашку убитого, вытирает ему мокрым полотенцем пот с груди. Доктор подходит, выслушивает сердце. Повторяет это несколько раз, недовольно покачивая головой. Упорное сердце все еще трепещет в груди.

Доктор подходит к палачу, что-то говорит ему. Тот нагибает голову и дает новый ток, силой уже не в 2.000 вольт, а на пару сотен больше.

Тело осужденного снова конвульсивно приподымается. Шипение тока становится громче, мускулы на обнаженной груди надуваются, кусок ремня около головы начинает дымиться.

Минута. Ток прерван. Служитель снова вытирает полотенцем мертвую грудь, доктор снова прикладывает трубку. Теперь он спокоен: сердце совершенно не бьется.

Он произносит тихо:

— Признаю этого человека мертвым".

Д. П. И—ов,

КЛОЧЬЯ БЫТА.

Пожар в деревне.

(Кино-картины с натуры).

I.

Ночь.

Село спит. Мертвая тишина, изредка нарушаемая лаем собак.

С задов загорелся двор Захудалова.

Хозяева спят.

Первую тревогу подают корова и лошадь.

Слышны необычайные рев и ржание.

Воет собака.

II.

Проснувшийся Захудалов благим матом кричит:

— Пожар! Горю!

Просыпаются соседи.

На улице движение.

Бегут, кто с ведрами, кто с вилами.

Крики от дома к дому несутся дальше по селу:

— Пожар! Захудалов горит!

III.

Страшная весть долетает до церковного сторожа, но половины двора уже нет.

Колокол отбивает всполох.

IV.

Как ужаленный, вскакивает дежурный по пожарной части и, на ходу протирая глаза, бросается к лошади.

Но ее в конюшне нет: куда-то вышла в открытую дверь.

V.

А колокол звонит все чаще и чаще.

VI.

Лошадь найдена за пожарным сараем, мирно пасущейся по траве.

Распутав узду, дежурный ведет лошадь в оглобли пожарной машины.

Запряжке помогают бежавшие на пожар мужики.

VII.

Двор уже сгорел. Загоралась изба.

На крышах соседних дворов и домов в ряд, плечем к плечу, стояли бабы и мужики с ведрами и вилами.

Тушили искры и пламя подаваемой снизу водой.

Загораживали крыши мокрыми торбами.

VIII.

Пожарная машина тронулась.

Колокол все звонит. Поскали крупной рысью.

Вдруг—стоп! Колесо слетело.

— Чекушку! давай чекушку!—кричит дежурный

Сопровождавшие машину мужики —с руганью в рассыпную:

— Пальцем-бы твоим зэткнуть сволочь!

Слышен треск ломаемого забора...

IX.

Горела крыша Захудаловской избы.

— Машина! Машина! —радостно загалдела толпа:

— Подкатывай бочку!

Подкатили бочку с водой, воткнули рукав, навели шприц.

Вода струями в стороны: рукав от ржавчины продырявлен.

X.

Председьсовета, которого боковой струей окатило с ног до головы, развертывается, чтобы дать затрещину дежурному.

Тот юркает в толпу и исчезает. Галдеж. Обвиняют, кто кого попало. Избы уже не было; догорали бревна фундамента, а через соседний двор загоралась крыша.

П. Н.

РЕБУСЫ и ШАРАДЫ.

Первые пять читателей, решившие ребус или шараду, будут получать в течение августа м-ца один экземпляр нашего журнала.

ШАРАДА.

Мои первые два слога
Есть значение предлога,
Третий слог всегда найдешь
Коли к морю подойдешь.
А без целого (признаться)—
Ты не можешь оставаться.
Мой совет (в нем польза есть):—
Разгадать и приобресть.

Ребус № М. Б.

Редактор: **Редакционная Коллегия.**

Пенза Гублит № 548. Типо-лит. им. Воровского. Тираж 1500 экз.

Пензенский

Спичечный Трест

ВЫРАБАТЫВАЕТ

СПИЧКИ ЛУЧШЕГО КАЧЕСТВА

Фабричная марка „ЛЕВ".

Имеются склады и уполномоченные:

В ПЕНЗЕ, САРАТОВЕ, САМАРЕ, УЛЬЯНОВСКЕ, ТАМБОВЕ, АСТРАХАНИ, СТАЛИНГРАДЕ, ОРЕНБУРГЕ и СРЕДНЕ-АЗИАТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ.

Для госторговли и кооперации льготные условия.

Частной торговле допускается кредит.

ПЕРВАЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПАРОВАЯ ФАБРИКА ВЕНСКОЙ МЕБЕЛИ

„Красный Пролетарий"

ПЕНЗОЛЕСА (быв. „БУК")

ИЗГОТОВЛЯЕТ ВСЕВОЗМОЖНУЮ ГНУТУЮ МЕБЕЛЬ:

стулья, столы, диваны, кресла, качалки и т. п.,

исключительно из букового дерева, а также принимает заказы на столярные работы по изготовлению разной мебели; оборудование учреждений, магазинов и разных построек.

Все работы производятся по умеренным ценам, под наблюдением опытных специалистов довоенного времени.

ИМЕЮТСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА:

МОСКВА: Лубянский проезд, 9, кв. 7, телеф. № 1—62—66.
САРАТОВ—М. Кострижная № 26.
ХАРЬКОВ—Сумская 21—23.

Директор фабрики АНДРИАНОВ.

КОМИТЕТ

РЫНОЧНЫХ ТОРГОВЦЕВ

ГОРОДА ПЕНЗЫ

доводит до сведения всех частных торговцев, что последние могут бесплатно получать в канцелярии комитета все справки, советы и разъяснения по вопросам правовым, налоговым и т. п.

Справки выдаются во все присутственные дни от 9 до 2 часов дня.

КОМИТЕТ

ПЕНЗЕНСКИЙ

СУКОННЫЙ ТРЕСТ

предлагает всем Государственным, Кооперативным и частным фирмам

на льготных кредитных условиях:

СУКНО, БАЙКУ
ТРИКО, БОБРИК,
ШЕВИОТ, ОДЕЯЛА,
КУРУЗУ,

последней, улучшенной качественно, выработки.

ПРАВЛЕНИЕ, Пенза, Интернациональная 4 - 6.
МАГАЗИН, „ „ 70.

Москва, Б. Черкасский пер. 7,
В. Ш. Никольская, помещ. № 39.

„ПЕНЗТОРГ“

В СВОИХ МАГАЗИНАХ В Г. ПЕНЗЕ И В ОТДЕЛЕНИЯХ:

в Поиме, Лунине, Колышлее и Каменке

всегда имеет в большом выборе и по доступным ценам товары, необходимые городскому и крестьянскому покупателю.

Мануфактура, Кожевенно-обувные, железо-скобяные, фарфорово-фаянсовая и стекольная посуда и разные хозяйственные принадлежности, строительные материалы, хлебно-бакалейные и прочие.

КООПЕРАЦИИ—ЛЬГОТНЫЕ УСЛОВИЯ: ДОПУСКАЕТСЯ КРЕДИТ.

Пенза, Гублит № 548. Типо-литография им. тов. Воровского, Тираж 1500 экз.